

Множественное время и стратиграфии истории

ХЕЛЬГЕ ЙОРДХАЙМ

Профессор культурологии и музеологии, отделение культурологии и восточных языков, факультет гуманитарных наук, Университет Осло (UiO).
Адрес: Postboks 1010, Blindern, 0315 Oslo, Norway. E-mail: helge.jordheim@ikos.uio.no.

Ключевые слова: стратиграфия; слои времени; Райнхарт Козеллек; мультитемпоральность; современная история; полисемия времени; изменение климата.

В своей статье один из ведущих теоретиков множественного исторического времени обращается к языку стратиграфии, в терминах которого рассуждали о слоистом времени истории Кшиштоф Помян и Райнхарт Козеллек. Для автора очевидно, что сегодня «мировое время» существует только в форме множества «мировых времен». Но однонаправленное линейное время продолжает доминировать в культуре, поэтому главная задача заключается в том, чтобы придумать нешаблонные формы концептуализации множественного времени. В течение XVIII–XIX веков описанная Козеллеком «темпорализация истории» происходила в форме «денатурализации» — противопоставления порядков природной и человеческой жизни. Однако, по мнению автора, денатурализация сегодня уже не справляется с прежней задачей. Он призывает относиться ко времени микробов, планет, горных пород и человеческих дел как пронизывающим друг друга темпоральным режимам. Множественность времен

проявляется как в практиках, так и в областях знания. Если Фернан Бродель предлагал историкам обращаться к «большим длительностям» ландшафтов и климата, чтобы история стала номотетической наукой, то сегодня задача состоит в том, чтобы анализировать исторический и природный миры, изучая их переплетения, но не редуцируя их друг к другу.

Автор видит в теории многослойного времени полноценную альтернативу идее линейного однонаправленного времени. Вместе с тем остаются феномены, которые ей не удастся описать: как растворяется находящаяся на поверхности быстро текущая повседневность, а медленно сформировавшиеся события выходят на поверхность в виде природных катаклизмов? В заключение автор призывает включить историографию в масштабную теорию, охватывающую множество темпоральных шкал, в рамках которой историческая жизнь людей переплетается с исторической жизнью скальных пород и геологических отложений.

Введение

В СВОЕМ новаторском, хотя, к сожалению, не привлечшем должного внимания исследовании *Lordre du temps*, опубликованном в 1984 году, польский философ и историк культуры Кшиштоф Помян предложил концепцию или, по его собственным словам, «предварительный набросок концепции» (*preconception*) — того, что он назвал «стратиграфией времени и истории». Согласно Помяну, это выражение отмечает переход от «диахронии» к «чисто синхроническому анализу» исторических событий, предназначенный для уяснения «фундаментальных оснований полисемичной природы слова „время“»¹. Удивительно здесь само использование термина «стратиграфия» — довольно редкого и для историописания, и для социально-гуманитарных наук в целом. Оксфордский словарь английского языка так, например, определяет его значение: «ветвь геологии, которая изучает порядок и относительное положение тех или иных страт земной коры»²; *strata*, в свою очередь, является формой множественного числа латинского слова *stratum*, изначально обозначавшего что-то расстилаемое или покрывающее — подстилку, постельное покрывало, чепрак, попону, пол или платформу. Во второй половине XVII века *stratum* приобретает новое значение, которое сегодня мы определяем как геологическое:

...естественный слой или пласт осадочных пород, имеющий однородный состав и представляющий более или менее целостный период геологического отложения³.

Спустя три столетия после появления этого геологического смысла Помян предложил использовать термины «страта» и «стратиграфия» в историографии и теории истории для переосмысления «полисемичной природы слова „время“». В дальнейшем изложе-

Перевод с английского Игоря Кобылина.

1. *Potian K.* *Lordre du temps*. P.: Gallimard, 1984. P. 335.
2. См. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/191335>.
3. См. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/191350>.

нии эта проблематизированная им многозначность будет рассматриваться как элемент такой теории истории, которая не только работает на семантическом или концептуальном уровне, но и непосредственно касается событий, действий, практик, опыта, процессов, непрерывностей и разрывов.

Нужно заметить, что Помян был не единственным, кто размышлял о человеческой истории в терминах геологических слоев или страт. Примерно в то же время, хотя и на другом языке, немецкий историк Райнхарт Козеллек развивал собственную «теорию исторических времен», которая, правда, была систематизирована в геологических терминах значительно позже — в опубликованном в 2000 году введении к первому тому сборника статей под названием *Zeitschichten* («Слои времени»). Тем не менее я бы сказал, что Помян и Козеллек предлагают нам нечто принципиально схожее — реформу историографии, заключающуюся в том, чтобы использовать термины естественной теории и геологии в качестве альтернативы привязанности историзма к собственным специфическим хронологиям и нарративам.

Далее я попробую разобрать исторические и семантические условия такой концептуальной новации, проследив понятие и практики стратиграфии в ее истоках. Речь пойдет о республике словесности XVII века, а еще точнее — о работе, которая сегодня считается первым стратиграфическим исследованием. Это книга Нильса Стенсена «Предварительное изложение диссертации о твердом, естественно содержащемся в твердом» (*De solido intra solidum naturaliter contento dissertationis prodromus*, или просто *Prodromus*), опубликованная в 1669 году⁴. В данном случае меня интересует не столько исторический контекст этой работы⁵, сколько предоставляемые ею возможности лучшего понимания роли стратиграфии в послевоенной теории истории и прежде всего в концепции Райнхарта Козеллека. Другими словами, цель моего исследования не столько историческая, сколько теоретическая. В то же время поднимаемые здесь вопросы затрагивают

4. О Стенсене как о пионере стратиграфических исследований см.: *Rudwick M. J. S. Bursting the Limits of Time*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 97; *Idem. Earth's Deep History. How It Was Discovered and Why It Matters*. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 39–49.

5. О контексте работ Стенсена см.: *Ibidem*; *Rappaport R. When Geologists Were Historians, 1665–1750*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1997. P. 106–121; см. также недавнюю работу: *Bek-Thomsen J. From Flesh to Fossils — Nicolaus Steno's Anatomy of the Earth // A History of Geology and Medicine / C. J. Duffin et al. (eds)*. L.: Geological Society, 2013. P. 289–305.

и «большие генеалогические линии», преемственности и разрывы в непрекращающейся работе по теоретическому осмыслению множественного времени в истории. В этом контексте, как я полагаю, обновленная «стратиграфия» может быть представлена в качестве «другой дороги» западной историографии: дороги, к которой наше внимание привлекли Козеллек, Помян и — за некоторое время до них — последний великий историк французской школы Анналов Фернан Бродель. А сегодня, когда Дипеш Чакрабарти и многие другие исследователи призывают преодолеть «старый гуманистический раскол между естественной историей и человеческой историей»⁶, такой междисциплинарный способ концептуализации исторического времени приобретает еще большее значение. Но прежде чем перейти к обсуждению историографической традиции, я бы хотел по необходимости кратко охарактеризовать ту ситуацию или, если воспользоваться риторическим термином, то «требование», которое и определило этот стратиграфический поворот в историописании⁷.

Множественное время как вызов для гуманитарных и социальных наук

В настоящее время одной из главных задач для гуманитариев и социальных ученых — равно как и для стратегов и управленцев — является задача создания жизнеспособной модели для анализа и интерпретации мультитемпорального мира и способов взаимодействия с ним. На локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях акторы, действующие в самых различных областях, пытаются адаптироваться к этой множественности времен, обнаруживаемой в событиях, ситуациях или контекстах⁸. Так, мы видим сегодня, как временные измерения глобального потепления бросают вызов временным измерениям глобального роста. Существование множества исторических времен или, выражаясь феноменологически, множества темпоральностей представляет собой не только чисто теоретическую проблему⁹. Здесь

6. *Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry. 2009. Vol. 35. № 2. P. 201.*

7. О риторической теории «требования» см.: *Bitzer L. The Rhetorical Situation // Philosophy & Rhetoric. 1968. Vol. 1. № 1.*

8. См., напр.: *Rosa H. Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen der Moderne. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2005.*

9. *Jordheim H. Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities // History and Theory. 2012. Vol. 51. P. 151–171.*

мы сталкиваемся с многочисленными социальными и политическими импликациями, которые уже проявляют себя в таких выражениях, как «Европа на разных скоростях», «развитые и развивающиеся страны», «первый, второй и третий миры», ну и наконец — «человечество как геологическая сила»¹⁰. Эти выражения весьма показательны: проблема периодизаций, отсрочек, запаздываний и ускорений все более заметна на фоне кризисов, охвативших человеческую цивилизацию в мировом масштабе (климатический, финансовый и миграционный — лишь самые значительные из них)¹¹.

В такой ситуации и ученым, и людям, принимающим решения, становится все более очевидно — хотя, возможно, на разных уровнях абстракции, — что исторические события, действия и процессы не происходят в одном-единственном времени. Они принадлежат различным темпоральным парадигмам и рамкам — различным хронологиям, периодам, схемам и нарративам. Эта множественность исторических времен ставит под вопрос любую попытку выстроить причинно-следственную связь событий — невозможно даже решить, является ли событие звеном каузальной цепочки или разрывом в ней. Кроме того, не вызывает сомнений, что глобализация, о которой Манфред Штегер сжато, но точно писал как о «расширении и интенсификации социальных отношений и сознания во всем мировом пространстве-времени»¹², сделала темпоральные отношения еще более сложными и неоднородными: время торговли, технологий и медиа входит в противоречие с различными ритмами и динамикой многообразных религий, культур и сообществ. Другими словами, «мировое время» существует сегодня только в форме «мировых времен». Растущая транснациональная мобильность людей, культур, товаров и идей привела к экспансии сопутствующего лексикона мультикультурализма, культурного плюрализма и интеграции в политическом, приватном и академическом дискурсах — и в этих дискурсах время и история понимаются весьма по-разному.

Однако, несмотря на постоянное столкновение с этой множественностью времен в социальной и политической жизни — столкновение, еще и сопровождающееся переживанием различных «не-

10. Системное обсуждение политики времени см. в работе: *Palonen K.* The Struggle With Time. Münster: LIT, 2014.

11. Ср.: *Eriksen T.H.* Overheating. An Anthropology of Accelerated Change. L.: Pluto, 2016.

12. *Steger M. B.* Globalization. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 15.

синхронных» аспектов человеческого существования, — в большинстве работ по социально-гуманитарным наукам историческое время, время социальных процессов, политических событий и индивидуальных решений продолжает рассматриваться как единое и гомогенное — что-то наподобие исторического Гринвича или Мирового стандартного времени истории. Сегодня ученые, работающие в области теории истории, встали перед необходимостью не просто признать эту множественность, но и продумать новые, нешаблонные способы ее концептуализации — нам нужна жизнеспособная альтернатива все еще доминирующей идее линейного однонаправленного времени. Только так мы будем способны концептуально подойти к проблеме, которую Франсуа Артог обозначил как «кризис времени»¹³, и, следуя за Хартмутом Розой, увидеть в этом последнем кризис темпоральной множественности и десинхронизации¹⁴.

Чтобы приблизиться к решению этой непростой задачи, поставленной целым рядом блестящих исследователей¹⁵, следует прежде всего выйти за рамки устоявшегося интереса к проблемам языка и репрезентации и вместо несколько затянувшегося увлечения «пространственным поворотом» вновь обратить самое пристальное внимание на проблему времени и временности. В своем предисловии к первому виртуальному выпуску журнала «История и теория» Итан Клейнберг пишет о том, что необходимо начать работу над «новой метафизикой времени», и свою недавнюю книгу, предлагающую «деконструктивистский подход к прошлому», он считает одним из первых опытов такой работы¹⁶. Однако цель моего эссе несколько другая. Меня интересуют не столько «метафизика», сколько понятие множественности времен, являющей себя как в различных концептах, переживаниях, событиях и практиках, так и в научных дисциплинах и областях знания. И если исходить из этого предположения о множественности, то можно сделать еще один важный вывод в отноше-

13. *Hartog F. Regimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps.* P.: Seuil, 2003. P. 27.

14. *Rosa H.* Op. cit. P. 44–46.

15. См., напр.: *Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* / C. Lorenz, B. Bevernage (eds). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013; *Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne.* Munich: Carl Hanser, 2013.

16. *Kleinberg E. Introduction: New Metaphysics of Time // History and Theory.* 2012. Virtual Issue 1. См. также: *Idem. Haunting History. Deconstructive Approach to the Past.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2017.

нии теории истории. Теория единого гомогенного исторического времени, часто именуемая теорией прогресса, исходит из фундаментального различия между «историческим» или «социальным» временем и другими формами времени, относящимися уже не к коллективному опыту человеческих обществ, а, например, к отложениям осадочных пород, которыми занимается геология.

В одной из своих статей Козеллек описывает наступление современного времени — или, если воспользоваться более поздней периодизацией Артога, «модерного режима историчности»¹⁷ — как одновременно процесс «денатурализации»¹⁸ и «деструкции естественной хронологии»¹⁹. Такую «денатурализацию» западной культуры Козеллек относит к концу XVIII века. До этого, как отмечает исследователь, ход истории осмыслялся в соответствии с «естественными» категориями: восход и заход солнца, смена времен года, рождение и смерть членов правящих династий. Но в конце XVIII века на смену природным ритмам приходят понятия, взятые непосредственно из самой истории: прогресс, упадок, ускорение и замедление, еще-нет и уже-нет, до и после, слишком рано и слишком поздно и т. д.²⁰ Однако сегодня мы видим, что «денатурализация» перестает работать — на месте четкого разграничения природного и исторического времени мы обнаруживаем множество времен и темпоральных шкал, где концепты, технологии и проживаемый опыт легко пересекают дисциплинарную границу между временем микробов, горных пород и планет, с одной стороны, и временем человеческих деяний — с другой. Оба этих времени необходимо воссоединить и начать изучать как параллельные, сходящиеся и расходящиеся темпоральные феномены.

В рамках современной исторической парадигмы, то есть на самом деле парадигмы историзма, выделяется один историк, который пытался осмыслить множественное время в схожем ключе. Это, конечно, упомянутый выше Фернан Бродель. Еще в 1958 году он утверждал, что история должна не только затрагивать уровень быстротечных событий, но и касаться куда более медленных ритмов социально-экономических структур и циклов. Кроме того, причем далеко не в последнюю очередь, объектом исторического интереса должны стать и «большие длительности» природных

17. *Hartog F.* Op. cit. P. 191–121.

18. *Koselleck R.* Zeitschichten. Studien zur Historik. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2000. S. 303.

19. *Ibid.* P. 306.

20. *Idem.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik Historischer Zeiten. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1979. S. 133.

ландшафтов, географии и климата²¹. Но если для Броделя анализ этих более глубоких и скрытых уровней призван — в соответствии со структуралистскими догмами — послужить делу превращения истории из идеографической науки в номотетическую, то сегодня задача должна быть поставлена иначе. Теория множественного времени позволит заново соединить историю с природой, с ее ритмами и длительностями. Недавно появились две работы, в которых опыт концептуализации такого соединения может быть назван удачным. Первая — это статья уже упоминавшегося Дипеша Чакрабарти «Климат истории» (2009). Вторая, более поздняя — «Исторический манифест» (2014) Джо Гулди и Дэвида Армitedжа. В обоих текстах нынешнее климатическое состояние глобального потепления становится отправной точкой для реинтеграции различных временных масштабов. Однако и здесь, и там интерес к реинтеграции обусловлен интересом к новой роли историка в современных условиях, а не к мультитемпоральным историческим процессам самим по себе. Напротив, предлагаемая здесь статья представляет собой попытку — пусть и весьма несовершенную — разобраться с этой множественностью времен, пересекающих границы природного и исторического мира. Отталкиваясь от идеи Помяна о «стратиграфии времени и истории», мы совершим путешествие сразу в двух направлениях — и к истокам геологии, появившейся в начале XVII века, и в относительно недавнее прошлое, вновь обратившись к теории исторического времени Козеллека.

Теоретизация множественного времени и проблема несинхронности

Среди тех, кто был наиболее последователен в теоретическом осмыслении проблемы множественного времени, особое место занимает Райнхарт Козеллек. Не оставляя ни малейших сомнений в своих намерениях, он уже в статье 1972 года провозгласил, что не только история понятий (*Begriffsgeschichte*), одним из основателей и крупнейших представителей которой он являлся, но и историография в целом должны разработать «теорию исторических времен» (*eine Theorie der geschichtlichen Zeiten*)²². В 1979 году он дает своему первому сборнику статей подзаголовок «О семантике ис-

21. Braudel F. *Historie et sciences sociales: La longue durée* // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1958. Vol. 13. № 4. P. 725–753.

22. Koselleck R. *Zeitschichten*. S. 302. Подробное обсуждение этой фразы см. в статье: Jordheim H. *Against Periodization*.

торических времен», вновь акцентируя — как позже это сделает и Помян — связь между историей языковой репрезентации и историей времени. Кроме Козеллека, Помяна и упоминавшегося выше Броделя тезис о множественном времени разделяли французский историк Франсуа Артог и американский социолог Эвиатар Зерубавель. Вдохновленный работами Козеллека Артог предложил новый термин «режим историчности» (*régime d'historicité*), призванный обратить наше внимание на то, что различные общества по-разному организуют свои отношения с прошлым, настоящим и будущим. Зерубавель в целом ряде своих книг также настаивал на многослойности исторического времени, разрабатывая понятие «социальной формы прошлого»: здесь единое и гомогенное время прогресса уступает место множеству ритмов, сюжетных линий и длительностей, принимающих самые разнообразные формы — то зигзага, то цепной схемы, то ветвящегося дерева²³.

Еще одной отправной точкой для теоретизации множественности и, как следствие, несинхронности исторических времен может послужить — особенно в немецкой традиции — идея *die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*. Этот немецкий троп невозможно адекватно перевести на другие языки. Те варианты, которые обычно используются в переводах — «синхронность несинхронного», «одновременность неодновременного», «современность несовременного», — не передают в полной мере смысл немецкого оригинала. Само это выражение впервые употребил немецкий историк искусства Вильгельм Пиндер, а затем оно было подхвачено и более известными немецкими мыслителями, такими как Эрнст Блох, Карл Мангейм и в недавнее время — Козеллек²⁴. В немецкой интеллектуальной истории проблема несинхронности была связана с проблемой «особого пути» (*Sonderweg*) самой Германии, отличавшейся в своем развитии, как считали некоторые идеологи, от общеевропейской линии и в политическом, и в финансовом отношении. Вне специфически немецкого контекста этот оборот встречается в антропологическом дискурсе, прежде всего в классической работе Йоханнеса Фабиана «Время и другой». Фабиан

23. Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

24. Landwehr A. Von der "Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen" // *Historische Zeitschrift*. 2012. Vol. 295. № 1. S. 1–34. См. также: Jordheim H. "Unzählbar viele Zeiten". *Die Sattelzeit im Spiegel der Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen // Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks* / H. Joas, P. Vogt (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 2011. S. 449–480.

использует его, — сначала оставляя без перевода, а затем передавая английским словом *coevalness* (равенство во времени), — для описания темпорального парадокса, преследующего этнографические исследования²⁵. Недавно Ахим Ландвер оспорил аналитическую ценность тропа *die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen* и в итоге отверг его как европоцентристский и даже националистический. Как полагает Ландвер, это понятие целиком принадлежит еще одной плохо замаскированной версии теории модернизации, согласно которой все домодерные, менее развитые народы относятся к каменному веку²⁶. Однако, если оставить в стороне филологические истоки тропа, принимая во внимание попытку слить воедино диахроническую и синхроническую перспективы, Ландвер в случае с Козеллеком промахивается мимо цели — его критика никак не затрагивает тот способ работы с «одновременностью неодновременного», который выбрал Козеллек.

Еще одной областью гуманитарных наук, которая активно занимается проблемой несинхронности, является сфера постколониальных исследований. Значимость для этой сферы работ Хоми Баба, предложившего тонкий концептуальный анализ темпорального отставания незападных обществ от западного модерна и, соответственно, порожденных этим отставанием империализма, колониализма и расизма, сложно переоценить²⁷. В теоретически схожем ключе рассматривает несинхронность и Дипеш Чакрабартти. С его точки зрения, западные представления об истории и модерности установили своего рода темпоральный стандарт, по отношению к которому ранжируются теперь все остальные культуры²⁸. Однако, учитывая тот факт, что практически вся историография и все исследования социальных процессов в целом сталкиваются с проблемой различия темпоральных скоростей и ритмов общественного развития, мы попробуем выйти за границы, очерченные постструктурализмом, с одной стороны, и немецкой интеллектуальной историей — с другой, и обратиться к другому возможному языку описания.

Ниже речь пойдет об одной теоретической модели, которая развивалась параллельно с моделью «неодновременности», но оказалась в тени этой последней. Уже во введении к первому из вось-

25. *Fabian J.* Time and the Other. How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia University Press, 1983. P. 31.

26. *Landwehr A.* Op. cit. S. 19–20.

27. *Bhabha H.* The Location of Culture. L.; N.Y.: Routledge, 1994.

28. *Chakrabarty D.* Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.

ми томов словаря социально-политического языка Германии (*Geschichtliche Grundbegriffe*) Козеллек пишет о *Mehrschichtigkeit*, то есть о многослойности понятий и значений, «выходящей за рамки строгой диахронии». Язык, добавляет он, приобретает «историческую глубину (*eine geschichtliche Tiefe*), которая не равняется его хронологии»²⁹. Однако лишь спустя почти тридцать лет во введении к *Zeitschichten* Козеллек найдет адекватный теоретический язык и подходящую образность (использованную даже в оформлении обложки книги) для своей концепции многослойного времени — язык и образность геологических формаций. Далее меня будут интересовать не столько теоретические нюансы, сколько вопросы о самом возникновении и статусе этого языка в историографической традиции вообще и в работах Козеллека в частности.

Стратиграфия в геологии и историографии

Во введении к *Zeitschichten* Козеллек обращает наше внимание на происхождение этой «пространственной» метафоры: как и в случае с геологической моделью, подчеркивает он, *Zeitschichten*, «темпоральные слои», относятся к «разным уровням времени различной продолжительности»³⁰. Затем он отсылает нас к концу XVIII века, к работам Канта и Бюффона, которые открыли «новый темпоральный горизонт», поместив Землю в «историческую перспективу». Одномоментность творения уступила место длительному процессу — миллионы и миллионы лет понадобились, чтобы сформировались горы³¹. На следующем шаге эти продолжительные временные периоды были, как выразился Козеллек, «перенесены обратно» на человеческую историю. Так, немецкий автор Йозеф Гёррес отмечал: «...в истории Земли период изначальной гранитной породы относится к периоду остаточной породы так же, как старые времена относятся к новым»³². Таким образом, делает вывод Козеллек, историческое понятие структуры имеет геологическое происхождение. Но на этом всякий интерес историка к геологии и заканчивается. Козеллек меняет линию аргументации и делает акцент на том, что с конца XVIII века «ис-

29. Koselleck R. Einleitung/*Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / O. Brunner et al. (Hg.). Stuttgart: Klett-Cotta, 1972. Vol. I. S. xxi.

30. *Idem.* *Zeitschichten*. S. 9.

31. *Ibidem.*

32. *Ibid.* S. 32.

торические времена сущностно отделяются от природного времени», хотя позже, перепрыгнув на двести лет вперед, он все-таки отдаст должное «большим длительностям» Броделя. В тексте Козеллека нет ни намек на то, как именно развивалась теория, в которой время носит относительный и многослойный характер, и как этой теории удалось захватить воображение геологов всей Европы в то же самое время, когда Иоганн Готфрид Гердер и некоторые другие теоретики провозглашают существование лишь одного-единственного, линейного, однородного, телеологического времени историзма.

В тот вполне определенный момент в истории историописания, когда история человека и история природы — а значит, историческое время и время природное — были частями одного и того же повествовательного континуума, историки с полным основанием могли бы выбрать для своих построений многослойное время, *Zeitschichten* вместо абсолютного, линейного и гомогенного времени ньютоновской физики. Или, говоря иначе, когда современные историки послевоенного периода возвращаются к образам слоев и отложений, они не заимствуют метафору из другой науки, а восстанавливают образ мышления, который некогда был свойственен европейской историографии.

Ту идею, что земля состоит из пластов, различающихся по возрасту и располагающихся в определенном порядке — от самых древних внизу к более молодым наверху, — впервые высказал датский анатом и геолог Нильс Стенсен (или, в латинском варианте, Николай Стенон). Карьера ученого часто заставляла его переезжать — из Копенгагена в Амстердам и Лейден, затем через Францию в Италию, где он сначала поселился в Падуе, а потом во Флоренции. Стенон начинал как анатом и писал работы о происхождении слез и слюны и об анатомическом строении мозга. Однако со временем его интерес сместился в сторону наук о Земле³³. Он стал заниматься тем, что сегодня можно было бы назвать палеонтологией и геологией. Особое внимание Стенона привлекала проблема, которую Рода Рапппорт в своей книге «Когда историки были геологами» назвала «проблемой окаменелостей»³⁴.

В октябре 1666 года недалеко от Ливорно два рыбака поймали огромную самку акулы. Фердинандо II Медичи, великий герцог Тосканский, приказал отправить ее голову Стенону. Анатомируя

33. Стенон Н. О твердом, естественно содержащемся в твердом / Пер. с лат. Г. А. Стратановского. М.: Издательство АН СССР, 1957.

34. Rappaport R. Op. cit. P. 105–135.

ее, ученый отметил, что зубы акулы имеют поразительное сходство с некоторыми окаменелостями, найденными внутри скальных образований. Эти окаменелости называли глоссопетрами или «каменными языками». Объяснения странного природного феномена тогда ходили самые разные — от старого утверждения Плиния Старшего, считавшего, что эти камни упали с неба, до свежей гипотезы величайшего ученого той эпохи Афанасия Кирхера, согласно которой образование окаменелостей связано с процессами внутри самой земли³⁵. Предположение Стенона, сделанное им в работе 1667 года, что глоссопетры — это зубы акулы, заставило его задаться и более общим вопросом, а именно: как вообще любой твердый предмет может быть обнаружен внутри другого твердого предмета? Ответу на этот вопрос посвящена вышеупомянутая книга «Предварительное изложение диссертации о твердом, естественно содержащемся в твердом». В ней Стенон пишет:

Первый вопрос этого исследования заключался в следующем: были ли некогда зубы морских псов у мальтийских глоссопетр? Этот вопрос, как стало очевидным, тождествен главному вопросу: были ли некогда тела, подобные морским телам, находимым вдали от моря, рождены в море? На суше ведь находят другие тела, подобные тем, которые живут и развиваются в пресных водах, в воздухе и других жидкостях. Если приписать Земле силу создания этих последних тел, то нельзя уже будет от нее отнять способность создавать и остальные³⁶.

Земля, создающая тела, одновременно с необходимостью является и землей, внутри которой задействованы силы времени; именно поэтому «Предварительное изложение...» — это книга о работе времени, превращающего животных, растения, раковины и моллюсков в скальные отложения или сохраняющего их в других породах, если перечисленные существа еще не окаменели³⁷. Таким образом, в этой книге мы находим первый набросок того, что станет основой современной геологии, включая принцип суперпозиции, принцип первичной горизонтальности и принцип обеспечения непрерывности, — иными словами, первую полноценную теорию слоев осадочных пород, или страт, известную как страти-

35. Gould S. J. *Father Athanasius on the Isthmus of a Middle State // Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything / P. Findlen (ed.). N.Y.: Routledge, 2004. P. 207–239.*

36. Стенон Н. Указ. соч. С. 14.

37. Там же. С. 29. О роли времени у Стенона см.: Rudwick M. J. S. *Earth's Deep History. P. 45–49.*

графия³⁸. Далее мы подробно рассмотрим, как Стенон конструирует эти различные слои, или страты, и как он решает вопрос с их темпоральным измерением.

Стенон и начало стратиграфии

Прежде всего, историческая ситуация, которую Стенон хочет изучить, — это ландшафт Тосканы примерно середины XVII века. Он пишет:

Тоскана в особенности может служить примером того, как современное состояние какого-нибудь явления ясно свидетельствует о его прошлом. <...> Значительные неровности теперешней ее поверхности указывают на различные изменения...³⁹

В этих пока еще очень осторожных формулировках понятия поверхности и глубины вводятся для того, чтобы с их помощью помыслить историю или, как выразился Стенон, «различные изменения». В то время как во введении Козеллека к *Geschichtliche Grundbegriffe* вещество истории состоит из понятий и событий, история в «Предварительном изложении...» разворачивается в скальных породах и отложениях.

Для Стенона вещество истории — это страты и формации пород. Он хочет знать, как они образуются и каково их отношение ко времени. Пытаясь объяснить, как одно твердое тело — зуб, кристалл, алмаз, животное или растение — может содержаться в другом твердом теле, то есть в определенном слое породы, Стенон приходит к выводу, что все твердые тела получились из жидкостей путем седиментации. Именно так и возникли слои земли. Расположение этих слоев друг над другом — это вопрос времени. Таким образом, когда Стенон формулирует то, что позже получило название принципа суперпозиции, он подчеркивает, что все зависит от времени образования того или иного слоя земной коры. О том, что разработанная им «теория земли» (если воспользоваться выражением Мартина Рудвика⁴⁰) является одновременно и теорией времени, красноречиво говорит тот факт, что все базовые тезисы о местоположении слоев начинаются со слов «во время». Вот лишь два примера:

38. *Idem.* Bursting the Limits of Time. P. 97. Критический взгляд на такое прочтение Стенона см. в работе: *Bek-Thomsen J.* Op. cit.

39. Стенон Н. Указ. соч. С. 58.

40. *Rudwick M. J. S.* Bursting the Limits of Time. P. 133–139.

1. Во время образования какого-либо слоя под ним находилось другое тело, которое препятствовало дальнейшему опусканию порошкообразного вещества;

<...>

4. Во время образования какого-либо слоя лежащее наверху его вещество было целиком жидким, и, следовательно, при образовании самого нижнего слоя ни одного из верхних слоев еще не существовало⁴¹.

Другими словами, согласно Стенону, наиболее важной характеристикой различных слоев горных пород является момент их исторического формирования. Они образовались в разное время и, соответственно, имеют разную длительность. У Козеллека «слои времени», *Zeitschichten*, состоят из значений, моделей действий и проживаемого опыта, упорядоченных благодаря тому, что он называл *Wiederholungsstrukturen*, «структурами повторения», которые различаются своим историческим происхождением, продолжительностью и ритмом⁴².

В «Предварительном изложении...» Стенон также обсуждает «вещество слоев». Важнейшими показателями здесь также являются время их формирования и, соответственно, диахроническая последовательность:

1. Если в каменистом слое все частицы имеют одну и ту же природу и притом даже являются весьма тонкими, то нет основания отрицать, что этот слой образовался в эпоху творения из жидкости, которая в тот момент все покрывала. <...>

2. Если в определенном слое находятся... части животных и растений, то, несомненно, его не следует причислять к слоям, которые в эпоху творения осели из первичной жидкости.

3. Если в определенном слое обнаруживаем следы морской соли, панцири морских животных, обломки кораблей... то несомненно в этом месте в некую эпоху было море...⁴³

На этом список не заканчивается. Далее Стенон пишет о золе, которая указывает на случившиеся пожары; о корягах и сучьях, которые могло принести наводнение, и т. д. Таким образом он рассказывает целую историю Земли — от момента творения, когда жидкость «все покрывала», до появления растений, животных и далее — людей, о присутствии которых свидетельствует упо-

41. Стенон Н. Указ. соч. С. 30–31.

42. Koselleck R. *Zeitschichten*. S. 15.

43. Стенон Н. Указ. соч. С. 29.

минание «обломков кораблей», зафиксированных в слоях скальных пород⁴⁴. И все эти слои присутствуют одновременно в горном ландшафте Тосканы. Несмотря на то что слои формируются последовательно, образуя, казалось бы, устойчивую структуру суперпозиции, эта последовательность может нарушаться неожиданными событиями — извержениями вулканов или обрушением пещер. Именно эти события ответственны за возникновение гор и долин, как и показано на одной из самых известных иллюстраций в книге геолога (рис. 1).

Диаграмма Стенона содержит шесть следующих друг за другом изображений. Здесь мы можем увидеть слои скальных пород, находящиеся в состоянии возмущения различной степени интенсивности. Эти изображения последовательно демонстрируют нам эродирование одних слоев, обрушение других и формирование в итоге нового ландшафта. В абстрактной, упрощенной форме, куда более напоминающей архитектурную конструкцию стены, фундамента дома или фортификационного сооружения, нежели реальный скалистый пейзаж, Стенон иллюстрирует базовые стратиграфические принципы — принцип первичной горизонтальности и принцип суперпозиции. Важно, что на диаграмме, пусть и очень схематично, представлен ландшафт сущностно динамический, изменяющийся во времени под действием природных сил, таких как эрозия. Это, очевидно, противоречит библейским догмам о Творении и Потопе, хотя Стенон, перешедший в свое время в католичество и ставший спустя несколько лет после написания книги епископом, вряд ли признал бы это противоречие.

Стратиграфия и подъем историзма

По ряду причин, в которые я не буду здесь вдаваться, прошло более ста лет, прежде чем кто-то продолжил движение с того места, где остановился датский анатом и геолог. Согласно Рудвику, только в начале XIX века стратиграфия и принцип суперпозиции легли в основу того, что постепенно стало современной геологией⁴⁵. Однако, как убедительно показал датский историк науки Якоб Бек-Томсен, концепцию Стенона нельзя рассматривать исключительно как зачаток современной науки, которому просто нужно еще немного времени, чтобы наконец эта наука расцвела во всем ее блеске. На самом деле Стенон многим обязан историографической

44. Там же. С. 30.

45. *Rudwick M. J. S. Bursting the Limits of Time. P. 529–542.*

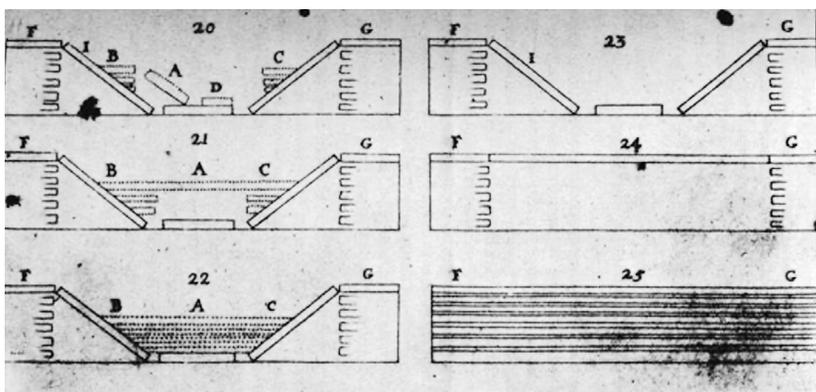


Рис. 1. Иллюстрация из «Предварительного изложения диссертации о твердом, естественно содержащемся в твердом» Николая Стенона (1669).

традиции раннего Нового времени, которая вместо того, чтобы искать законы и устанавливать причинно-следственные связи, практиковала искусство описания и категоризации, основываясь на внешних характеристиках⁴⁶. В середине XVIII века естественная история обогатилась новыми областями знания, связанными с изучением минералов и горных пород. Геогнозия, ориктогнозия, минералогия — все эти науки преподавались в так называемых горных академиях (*Bergakademien*) по всей Европе: и на континенте (например, в немецком Фрайберге и норвежском Конгсберге), и в Англии⁴⁷. В рамках этих наук, уступивших в итоге место современной геологии, стратиграфическая теория времени — или, скорее, времен — стала разрабатываться в конце XVIII века такими известными геологами, как Джеймс Хаттон (Геттон), Чарлз Лайель и Уильям Смит. В этом контексте особенно интересно, что указанный сдвиг темпоральной конфигурации в истории Земли зеркально отразился в качестве своего рода контрдвижения в другой дисциплине, а именно в историографии. В связи с подъемом историзма время, а точнее времена, хронологии, нарративы и календари были синхронизированы и объединены в одно-единственное, линейное, гомогенное и телеологическое время прогресса. Именно такую процедуру Козеллек назвал «темпорализацией», и именно такое время явило себя в трудах Гердера, Гегеля и других⁴⁸.

В XVII–XVIII веках естественная история, природные события и человеческие деяния объединялись в одну группу. Их мож-

46. Bek-Thomsen J. Op. cit.

47. Rudwick M. J. S. *Bursting the Limits of Time*. P. 59–132.

48. Koselleck R. *Vergangene Zukunft*. S. 38–66.

но было изучать в соответствии с их пространственно-временными координатами сквозь призму аристотелевской *historia*⁴⁹. Как видно из трудов Стенона, Бюффона и других естествоиспытателей этой эпохи, введение глубинного геологического времени и, как следствие, драматическая экспансия геологической темпоральной шкалы и стратиграфической теории времени равно касались как человеческого, так и не-человеческого миров. Однако, как только появилось однородное и линейное время историзма⁵⁰, многослойное время не смогло конкурировать с ним в сфере историографии, которая становилась все более профессиональной, и оказалось заперто исключительно в пространстве геологических дисциплин. В своей работе Рудвик показывает, что сам «этот новый геоисторический подход стал возможен благодаря транспонированию человеческого мира в природный»⁵¹. Но в то же самое время, когда история была перенесена в глубь земли и стала там многослойной, та история, что осталась на поверхности, утратила свою темпоральную множественность, став унифицированной и однородной.

Возвращение стратиграфии в пространство человеческой истории

Первые систематические попытки вернуть теорию многослойного времени в арсенал историописания были предприняты только спустя полтора века. Бродель, Помян, Козеллек каждый по-своему и для своих целей стали развивать ту идею, что история человечества так же стратифицирована, как и история Земли. И что каждый исторический момент дает срез самых разных времен, эпох, хронологий и скоростей. В конце XVII века Стенон разработал «стратиграфию» для описания Земли и особенно земной коры; в конце XX века Помян перенес ее из сферы естественных дисциплин в сферу человеческой истории, совершив жест, обратный тому, о котором говорил Рудвик. Помян предложил новую «стратиграфию времени и истории»:

Оставим в стороне диахронию, чтобы показать, что пока лишь предположенная нами стратиграфия времени и истории позволит понять, — обращаясь к чисто синхроническому анали-

49. См.: *Historia. Empiricism and Erudition in Early Modern Europe* / G. Pomata, N. D. Siraisi (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 1–38.

50. *Iggers G. G. et al. A Global History and Modern Historiography*. Harlow, UK: Pearson Longman, 2008. P. 29–32.

51. *Rudwick M. J. S. Bursting the Limits of Time*. P. 651.

зу, — фундаментальные основания полисемичной природы слова «время» в философском и научном дискурсах, не говоря уж об обыденном языке...⁵²

Несколько более сложным является процесс транспонирования природного в человеческое в описании Козеллека. Во введении к *Zeitschichten* он писал:

«Слои времени», как и их геологический прототип, отсылают к темпоральным уровням различной длительности и различного происхождения, существующим и действующим при этом одновременно⁵³.

Однако даже несмотря на то, что теории множественных слоев времени, будь то концепция «больших длительностей» Броделя, «стратиграфия истории» Помяна или *Zeitschichten* Козеллека, предлагают комплексное и когерентное решение проблемы мультитемпоральности, необходимо поставить вопрос о том, что этими теориями не описывается. Действительно ли имеет смысл думать об истории как о чем-то многослойном, где на поверхности мы сталкиваемся с ускоренными ритмами человеческих действий и событий, включая события повседневной жизни, а чем глубже спускаемся, тем с более медленными процессами нам приходится иметь дело, пока наконец не достигаем почти неподвижного «дна» — еле заметных изменений ландшафтов и цивилизаций? Своего рода контрпример предоставляют нам сегодняшние дискуссии о климате. Неожиданно самые глубокие, медленные и потому ранее не привлекавшие к себе внимания слои выходят на поверхность и приобретают характер событий — погодные катаклизмы и природные катастрофы, повышение уровня углекислого газа в атмосфере и соответствующие политические решения или отсутствие таковых и т. д. При этом быстротечная повседневность, все глубже оседающая сквозь слои времени, уже почти растворилась в мифологической неизменности природы — феномен, хорошо известный благодаря «Мифологиям» Ролана Барта⁵⁴.

В связи с этим стоит отметить, что существует и еще один важный аспект наследия Стенона. Точнее, не только Стенона, но всех ученых, работавших в тот период, когда «вопрос окаменелостей» уже посеял сомнения в традиционной христианской хронологии,

52. Pomian K. Op. cit. P. 334–335.

53. Koselleck R. *Zeitschichten*. S. 9.

54. Barthes R. *Mythologies*. P.: Editions du Seuil, 1957.

но история и геология еще не разошлись окончательно в разные стороны. В конце XVIII века различные концепции множественного времени были вытеснены из академического поля и заменены новым порядком знания, который надолго отделил человеческих акторов от не-человеческих. Естественная история и натурфилософия с их всеобъемлющим охватом уступили место современному порядку дисциплин. Геология, биология и космология больше не претендовали на изучение человека и человеческой культуры. В основе этого переупорядочивания знания лежал процесс конвергенции темпоральной шкалы и шкалы жизненных циклов. И каждая из этих новых дисциплин со свойственной ей размеренностью и конечностью переопределяла прежнее отношение между макро- и микрокосмом, чтобы создать натуралистическую цепь бытия, и делала это, вызывая новые эпистемологии, а также новые объекты познания.

С конца XVIII века «модерная» связка естественного и исторического времен, распространившаяся по всему земному шару благодаря капитализму и империализму, определяет темпоральные рамки постижимости человеческих действий и событий⁵⁵. Но, кажется, сегодня ситуация начинает меняться. С одной стороны, «модерный режим историчности», или, проще говоря, идея «прогресса», постепенно теряет значительную часть своего объяснительного потенциала. Этот режим больше не в силах синхронизировать все аспекты человеческой жизни в едином нарративе о поступательном движении вперед⁵⁶. С другой стороны, на сцену возвращаются и другие хронологии — био-, гео- и космохронологии, способные подчинить человека масштабам, ритмам и длительностям природы. Не той природы, что существует сама по себе, но той, что конструировалась на протяжении последних трехсот лет учеными и исследователями. И здесь мы вновь сталкиваемся с двусторонним процессом. Вопросы хронологии, расчета времени и его организации опять возвращают нас к изучению человека. Но и «природа», явленная в виде наших биологических тел, геологического тела Земли и космологического тела Вселенной, так воздействует на темпоральную конфигурацию глобального сообщества, что игнорировать это больше невозможно⁵⁷.

55. Ogle V. Whose Time Is It? The Pluralization of Time and the Global Condition, 1870s–1940s // *American Historical Review*. 2013. Vol. 118. P. 1376–1402.

56. Jordheim H. Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now // *History of the Present*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 59–95.

57. См.: Chakrabarty D. *The Climate of History: Four Theses*.

В этой ситуации «стратиграфия времени и истории», как она была задумана Броделем, Помяном и Козеллеком, может помочь переосмыслить связи между естественной и человеческой историей. До тех пор, пока история будет меряться нашими собственными мерками, природа останется по необходимости безмолвной. Но если историография будет включена в куда более масштабную теорию, способную охватить множество уровней существования и темпоральных шкал, в рамках которой историческое время людей переплетется с историческим временем скальных пород и отложений, у нас появится больше возможностей вновь соединиться с природным целым.

Библиография

- Стенон Н. О твердом, естественно содержащемся в твердом. М.: Издательство АН СССР, 1957.
- Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munich: Carl Hanser, 2013.
- Barthes R. *Mythologies*. P.: Editions du Seuil, 1957.
- Bek-Thomsen J. *From Flesh to Fossils — Nicolaus Steno's Anatomy of the Earth // A History of Geology and Medicine / C. J. Duffin, R. Moody, C. Gardner-Thorpe (eds)*. L.: Geological Society, 2013. P. 289–305.
- Bhabha H. *The Location of Culture*. L.; N.Y.: Routledge, 1994.
- Bitzer L. *The Rhetorical Situation // Philosophy & Rhetoric*. 1968. Vol. 1. № 1. P. 1–14.
- Braudel F. *Historie et sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1958. Vol. 13. № 4. P. 725–753.
- Breaking Up Time: *Negotiating the Borders Between Present, Past and Future / C. Lorenz, B. Bevernage (eds)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Chakrabarty D. *The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. № 2. P. 197–222.
- Eriksen T. H. *Overheating. An Anthropology of Accelerated Change*. L.: Pluto, 2016.
- Fabian J. *Time and the Other. How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Gould S. J. *Father Athanasius on the Isthmus of a Middle State // Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything / P. Findlen (ed.)*. N.Y.: Routledge, 2004. P. 207–239.
- Hartog F. *Regimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps*. P.: Seuil, 2003.
- Historia. *Empiricism and Erudition in Early Modern Europe / G. Pomata, N. D. Siraisi (eds)*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 1–38.
- Iggers G. G., Wang Q. E., Mukerjee S. *A Global History and Modern Historiography*. Harlow, UK: Pearson Longman, 2008.
- Jordheim H. “Unzählbar viele Zeiten”. *Die Sattelzeit im Spiegel der Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen // Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks / H. Joas, P. Vogt (Hg.)*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2011. S. 449–480.
- Jordheim H. *Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities // History and Theory*. 2012. Vol. 51. P. 151–171.

- Jordheim H. Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now // *History of the Present*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 59–95.
- Kleinberg E. *Haunting History. Deconstructive Approach to the Past*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2017.
- Kleinberg E. Introduction: New Metaphysics of Time // *History and Theory*. 2012. Virtual Issue 1.
- Koselleck R. *Einleitung/Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck (Hg.). Stuttgart: Klett-Cotta, 1972. Vol. I.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik Historischer Zeiten*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1979.
- Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2000.
- Landwehr A. Von der “Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen” // *Historische Zeitschrift*. 2012. Vol. 295. № 1. S. 1–34.
- Ogle V. Whose Time Is It? The Pluralization of Time and the Global Condition, 1870s–1940s // *American Historical Review*. 2013. Vol. 118. P. 1376–1402.
- Palonen K. *The Struggle With Time*. Münster: LIT, 2014.
- Rappaport R. *When Geologists Were Historians, 1665–1750*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1997.
- Rosa H. *Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen der Moderne*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2005.
- Rudwick M. J. S. *Bursting the Limits of Time*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Rudwick M. J. S. *Earth's Deep History. How It Was Discovered and Why It Matters*. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 39–49.
- Steger M. B. *Globalization. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

MULTIPLE TIMES AND THE STRATIGRAPHIES OF HISTORY

HELGE JORDHEIM. Professor of Cultural History and Museology, Department of Culture Studies and Oriental Languages, Faculty of Humanities, helge.jordheim@ikos.uio.no.

University of Oslo (UiO), Postboks 1010, Blindern, 0315 Oslo, Norway.

Keywords: stratigraphy; layers of time; Reinhart Koselleck; multitemporality; modern history; polysemy of time; climate change.

In this article one of the leading theorists of multiple historical time adopts the language of stratigraphy, which Krzysztof Pomian and Reinhart Koselleck used to refer to the layered time of history. It is obvious to the author that “world-time” now exists only as a set of “world-times.” However, unidirectional linear time continues to be dominant in the culture, and therefore the main challenge is to come up with unconventional ways of conceptualizing multiple time. During the eighteenth and nineteenth centuries, the “temporalization of history” described by Koselleck took place in the form of “denaturalization” — an opposition between the orders of natural and human life. However, the author concludes that denaturalization today is no longer up to that previous task and calls for treating microbes, planets, rocks and human affairs as having various temporal regimes that permeate each other. The plurality of times is manifested both in practical matters and in branches of knowledge. Fernand Braudel suggested that historians turn to the *longue durée* of landscapes and climates in order to make history a nomothetic science, but today the task is to analyze the historical and natural worlds, studying their interweaving without reducing them to each other.

The author sees the theory of multilayer time as a full-fledged alternative to the idea of linear unidirectional time. Nevertheless, there are phenomena that it cannot describe: how does the quickly streaming surface of everyday life dissolve away, and how do slowly formed events erupt on the surface as natural disasters? In conclusion, the author calls for the incorporation of historiography within a comprehensive theory covering many temporal scales, within which the historical life of people is intertwined with the historical life of rocks and geological deposits.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-95-116

References

- Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*, Munich, Carl Hanser, 2013.
- Barthes R. *Mythologies*, Paris, Editions du Seuil, 1957.
- Bek-Thomsen J. From Flesh to Fossils — Nicolaus Steno’s Anatomy of the Earth. *A History of Geology and Medicine* (eds C. J. Duffin, R. Moody, C. Gardner-Thorpe), London, Geological Society, 2013, pp. 289–305.
- Bhabha H. *The Location of Culture*, London, New York, Routledge, 1994.
- Bitzer L. The Rhetorical Situation. *Philosophy & Rhetoric*, 1968, vol. 1, no. 1, pp. 1–14.
- Braudel F. *Historie et sciences sociales: La longue durée. Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 1958, vol. 13, no. 4, pp. 725–753.
- Breaking Up Time: Negotiating the Borders Between Present, Past and Future* (eds C. Lorenz, B. Bevernage), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton, Princeton University Press, 2000.

- Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses. *Critical Inquiry*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 197–222.
- Eriksen T.H. *Overheating. An Anthropology of Accelerated Change*, London, Pluto, 2016.
- Fabian J. *Time and the Other. How Anthropology Makes Its Object*, New York, Columbia University Press, 1983.
- Gould S.J. Father Athanasius on the Isthmus of a Middle State. *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything* (ed. P. Findlen), New York, Routledge, 2004, pp. 207–239.
- Hartog F. *Regimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps*, Paris, Seuil, 2003.
- Historia. Empiricism and Erudition in Early Modern Europe* (eds G. Pomata, N. D. Siraisi), Cambridge, MA, MIT Press, 2005, pp. 1–38.
- Iggers G. G., Wang Q. E., Mukerjee S. *A Global History and Modern Historiography*, Harlow, UK, Pearson Longman, 2008.
- Jordheim H. “Unzählbar viele Zeiten”. Die Sattelzeit im Spiegel der Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen. *Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks* (Hg. H. Joas, P. Vogt), Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2011, S. 449–480.
- Jordheim H. Against Periodization: Koselleck's Theory of Multiple Temporalities. *History and Theory*, 2012, vol. 51, pp. 151–171.
- Jordheim H. Synchronizing the World: Synchronism as Historiographical Practice, Then and Now. *History of the Present*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 59–95.
- Kleinberg E. *Haunting History. Deconstructive Approach to the Past*, Stanford, CA, Stanford University Press, 2017.
- Kleinberg E. Introduction: New Metaphysics of Time. *History and Theory*, 2012, Virtual Issue 1.
- Koselleck R. *Einleitung/Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* (Hg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck), Stuttgart, Klett-Cotta, 1972, vol. I.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik Historischer Zeiten*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1979.
- Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2000.
- Landwehr A. Von der “Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen”. *Historische Zeitschrift*, 2012, vol. 295, no. 1, S. 1–34.
- Ogle V. Whose Time Is It? The Pluralization of Time and the Global Condition, 1870s–1940s. *American Historical Review*, 2013, vol. 118, pp. 1376–1402.
- Palonen K. *The Struggle With Time*, Münster, LIT, 2014.
- Rappaport R. *When Geologists Were Historians, 1665–1750*, Ithaca, London, Cornell University Press, 1997.
- Rosa H. *Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen der Moderne*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2005.
- Rudwick M. J. S. *Bursting the Limits of Time*, Chicago, University of Chicago Press, 2005.
- Rudwick M. J. S. *Earth's Deep History. How It Was Discovered and Why It Matters*, Chicago, University of Chicago Press, 2014, pp. 39–49.
- Steger M. B. *Globalization. A Very Short Introduction*, Oxford, Oxford University Press, 2009.
- Steno N. *O tverdom, estestvenno soderzhashchemsia v tverdom* [De solido intra solidum naturaliter contento dissertationis prodromus], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1957.
- Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*, Chicago, University of Chicago Press, 2003.